

Нелли Портнова
Опыт экзистенциального мышления
А. Штейнберга

Аарон Захарович Штейнберг (1891—1975), почти неизвестный в 60-гг. за пределами своей деятельности по организации еврейской культуры, написал в воспоминаниях «Литературный архипелаг», какого признания он ждет от современников. «Когда он [В. Иванов-Разумник — Н. П.] услышал мое определение сути метафизики — «Все или ничто», Разумник сказал: «Так вот вы чем занимаете нашу молодежь — всем и ничем?» Замечу, что сказал я это за двадцать лет до того, как появилась книга Сартра «L'Être et le Néant». <...> «Критику чистого разума» я уже тогда толковал в стиле и духе того направления, которое получило впоследствии название экзистенциализма. Десять лет спустя с этим согласился Карл Ясперс, который *независимо от меня* пришел к тому же мнению. Ведь мы были последователями одной и той же философской школы»¹.

Принадлежность к «школе», к которой его никто не относил, для Штейнберга принципиальна. Он не упускал без рассмотрения ни одной идеи прошлого и настоящего. «Счастливые мысли бывают только у горе-мыслителей. У мыслителей настоящих они лишь естественное порождение той философской почвы, которая у них всегда под ногами»². В сочинениях по философии истории, то есть прагматической философии, он руководствовался идеями экзистенциализма: тождество бытия и мышления, диалог как свобода познания, непрерывность истории: «Смысл истории человечества — воплотить вечный смысл и таким образом сделать всемирную историю, как и всемирное время, излишни-

© Nelly Portnova, 2011

<http://www.utoronto.ca/tsq>

¹ А. З. Штейнберг. Литературный архипелаг. Вступит. статья, сост., подготовка текста и коммент. Н. Портновой и В. Хазана. НЛЮ. М., 2009. С. 126.

² А. З. Штейнберг. Философские сочинения. Мир. Л. 2011. С. 224.

ми. Понять историю человечества как последний ряд усилий в этом направлении — значит постигнуть философский смысл истории»³.

Этот закон единства мира Штейнберг решил доказать-показать на самом себе: «Единство и непрерывность развития, которые я чувствую, я хочу для себя самого превратить в осязаемый психологический факт»⁴. Об этом же писал Ж.-П. Сартр: «Для экзистенциализма человек потому не поддается определению, что первоначально ничего из себя не представляет. Человеком он становится лишь впоследствии, причем таким человеком, каким он сделает себя сам... Человек есть не что иное, как его проект самого себя».⁵ Эта внутренняя работа не была известна читателям его сочинений по философии истории, слушателям его лекций, но она отразилась в дневниках, и частично — в письмах. Воссоздать картину этой работы — значит не только определить место Штейнберга в истории культуры XX века, но и понять истоки того впечатления, которое производит образ автора в его мемуарах: «Прочитав «Литературный архипелаг», остаешься с удивительным впечатлением от образа самого автора. Вроде бы он нигде не акцентирует своей роли в текущих событиях и человеческих отношениях, а между тем роль эта оказывается подчас центральной и не совсем обычной»⁶.

Работа над собой началась в гимназические годы (1904—1908), когда Штейнберг решил, что участвовать в революционных событиях и оценивать эти события — разные занятия. «Деятель» и «наблюдатель» жили в нем вместе, и это раздвоение стало нормой. В студенческие годы (1908—1913) выписки и конспекты из прочитанной философской литературы производились в одних тетрадях, а самонаблюдение, которое называлось у него: «собрать материал к своему делу», — в других. «Деятель» в жизни студента Гейдельберга явно пасует перед «наблюдателем», которому отдано все поле жизни, тогда как социальные отношения, встре-

³ А. З. Штейнберг. Развитие и разложение в современном искусстве. Там же. С. 239.

⁴ Central Archives for the History of the Jewish People (Jerusalem), A. Steinberg's Collection, P/159. box VIII—IX. Дневники. 29.12.1915

⁵ Ж.-П. Сартр «Экзистенциализм — это гуманизм». Сборник «Сумерки богов». Москва 1989, стр. 323.

⁶ Рената

2. . 2011.

чи, выступления, — совершаются как бы поневоле и исподтишка, ибо философия — «Прекрасная Дама», он ее слуга⁷. Но оторвать одно от другого невозможно. Так, программу «Логоса» (объединить русскую мысль с европейской), которую он принял в 1911 г. как собственную личную задачу, нельзя выполнить без контактов и встреч (с Шестовым, Брюсовым, Белым и пр.). А участие в Философском конгрессе в качестве корреспондента «Русской мысли» было чрезвычайно плодотворно для вхождения в атмосферу современной европейской философии. Во время мировой войны, когда стиль жизни юного философа, интернированного в германскую деревню, поневоле изменился, было невозможно, как ранее, отключиться от окружения и мировых событий. В петроградские годы (1918—1922), когда Штейнберг отдался общему пафосу культурного строительства, подобно всем «скифам», раздвоение ослабло, «деятель» торжествовал, вооруженный высокой идеей превратить политическую революцию в духовную. Во всяком случае, дневников в те годы Штейнберг не писал. Но собственной цели не забывал, что сказалось в стиле его поведения, как он был запечатлен в вольфильском фольклоре⁸.

Оказавшись в эмиграции (декабрь 1922), он решил заново сформулировать лоцию духовного движения, для чего уединился в Гейдельберге. «Я возобновляю по старой привычке дневник, но внешне не будет ничего параллельного наперед заданной прямой», — пишет он. Работу над собой он выдвинул на первый план, убеждая себя, что она должна быть по сути и даже по форме диалогична: «я хочу аккуратно писать себе», «ничего не утаивая и ничего не боясь», «может быть, по городской почте». Штейнберг не мог вообразить, насколько берлинская жизнь затруднит достижение задуманных целей: каждый день общение с десятками людей, встречи и проводы друзей и знакомых, посещение множества кружков, клубов и объединений самых разных направлений, словом, «людизм», как он говорил. Он погружается в проблемы еврейского просвещения, работая издателем, журналистом, критиком, редактором Еврейской энциклопедии и переводчиком. В текучке дел, связанный сроками и обязательствами, он недоволен собой: «Все еще жду стилиа, мысли, работы, жизни» (1929).

⁷ А. З. Штейнберг. Литературный архипелаг. НЛО. М., 2009. С. 7—11.

⁸ Там же. С. 14.

Но когда выдается свободное время, отдельно от всего текущего, он фиксирует свои мысли:

Вечером надо ехать на Силезский вокзал встретить Эс[фирь], Ганса. Мысли надо записать отдельно.

Романтический максимализм юности ушел; он живет обычным образом, рефлексия перемежается с бытом, но ее обязательность не понижается: *Сейчас еще хочу поразмыслить и почитать. Грызу семечки, попугаев корм.*

Самоанализ непременно отмечает направленность мысли: иногда в процессе общения с людьми она прикована к самому себе, это может допустить поэт или писатель; философ должен быть выше: *Беседа текущая, мысли и слова не текут, а «каплют». Везде упираешься в тупики маленьких ячиков. И тесно, и обидно.*

Лучшие мысли появляются наедине и в спокойствии. Как многие философы, Штейнберг иногда записывал афоризмы-парадоксы:

29.7.1915 Я не показываю себя, как неотделанное стихотворение, как мрамор, в котором едва-едва лишь намечилась цельность замысла.

7.7.1942. Опыт обогащает разоблачениями. В видимой действительности реальным оказывается все меньше и меньше. Обогащение призраками было бы призрачно, если бы однажды не росла ценность истинно-реального.

20.7.1942. Лесть — валюта нищих (убогих материально и в духовном отношении). Чем человек «беднее», тем больше причитается с него «льстивой подати», как сказали бы в старину, тем он «подлее».

7.10.1951. В наше время невозможно быть без маски современником, то есть активным членом синхронистической группы. Потому что она сама всегда не группа, а труппа.

18.7.1943. Pour mieux santer, il faut reculer: чтобы лучше прыгнуть далеко в будущее, надо отбежать подальше в прошлое; историк — не «оборачивающийся назад пророк», а наоборот, пророк — есть заглядывающий в будущее историк!

27.10.1946. Вечность — абсолютное единство абсолютного многообразия.

17—18. 9.1966. Да и разве я знаю, где моя жизнь и где не моя? Входит ли Еврейский Народ в мою жизнь или я в его? Входит ли Россия в мою жизнь или я лишь ее изгнанник? Ношу ли я в себе

живую связь с родом, человечеством или я всего лишь один из выродков всечеловеческой семьи?

27.10.1968 Суббота не увенчание шести дней творения, а трансцендентальная их предпосылка.

20.2.1969. «Средство против старости — продолжать учиться» (открыл в Ковне проездом из Москвы в Heidelberg в начале 1911 г. в беседах с бабушкой).

Но гораздо важнее для Штейнберга не парадоксальность и остроумие подмеченной мысли, которую можно выразить словами, но процесс самоанализа, который выглядит то в виде «спирали», то «туннеля», то «движущейся платформы». Процесс размышления нужно взвесить, пощупать, протянуть к нему руку: *Мысли поступают и снова уходят. Я верую в прочность их дружбы, но не обманут ли они, как почти все обмануло?»* К минутам сосредоточенности он относится чрезвычайно серьезно и внутренним взором старается оценить себя — думающего субъекта: *«Много мыслей об отношении к вещам. Много вещей в мыслях. Есть отношение к самому себе».* Рефлексирование — такое же обязательное событие жизни, как дружба, любовь, работа или духовное творчество вообще. *«Мысли поступают и снова уходят. Я верую в прочность их дружбы, но не обманут ли они, как почти все обмануло? Если бы не Бог, я не жил бы. Моментами поднимается дух и снова никнет»*⁹ (1932).

Думанье о думанье, диалог, возведенный в условие разумного человека, НОМО СОGITUS — это и есть, по Штейнбергу, проявление искомого всю жизнь единства познания и бытия. Если в юности он боготворил Лермонтова, то в 30-е гг. выделял Тютчева (поэзия которого может быть определена как экзистенциальная¹⁰). В отличие от русского поэта, Штейнберга не интересует проблема взаимопонимания, передачи своих мыслей ближнему («Другому как понять тебя?»). Он всегда хотел писать для себя или рассказывать себе: «Очень хочу писать, записывать, не

⁹ Ср.: «Мысль есть наш способ приобщения к некоей динамической вечности или к вечному настоящему, к тому, что есть всегда или всегда становится, всегда осуществляется. А если этого акта не совершаем, то наша душа и мы сами разрушаемся в потоке. М. Мамардашвили. Эстетика мышления. М. 2000. С.208. Заметим, что оба философа не знали друг друга.

¹⁰ В. Баевский. Тютчев: поэзия экзистенциальных переживаний. Известия АН, серия литературы и языка. 2003, № 62.

давать чувствам и мыслям проходить бесследно в мире вещественном...» Но при этом он также понимает «неизреченность» мысли.

Рефлексирование стало у Штейнберга естественной привычкой, существенным и необходимым элементом жизни. «Как всегда, как все это время, в течение по меньшей мере пятидесяти лет (т. е. с девятого года жизни сей), пишу, и **мысль** резво бежит, точнее, **мысли** резво бегут и сбоку, и впереди, и набегают даже как бы сзади — бегут табунами, кружатся в веселой пляске, невольно отвлекая от медленно-легкой лестницы — спускающихся вниз по листку строчек». «Сбоку», «впереди», «табунами» — мыслительный процесс выражается цепью сравнений, пластических образов и картин: «Мне все время остро напоминает о том, куда беззвучно журчит непрерывающаяся **мысль**. Собираюсь отметить с берегов воспроизведения изгибы, с которых и вовсе не плоские камешки отскакивают рикошетом».

Штейнберг — из тех философов нового времени, который не оставил своей системы еще и потому, что наиболее значительная в своем назначении внутренняя работа определялась им как сакральная. Если М. Мамардашвили излагал свои философские взгляды в форме публичных лекций; его друг и ученик А. Пятигорский — в форме бесед, Г. Марсель печатал философские размышления в форме дневника, то А. Штейнберг долгое время доверял только частному дневнику. Но в 60-е гг. в его составе начали рождаться фрагменты, образованные вокруг какого-то сюжета, так что практически запрет на соединение чистой философии и литературы был нарушен. Некоторые эпизоды такого сращения были впоследствии развернуты в очерки («М. Горький», «Иллюзии»), другие оставались в дневнике, но оформлялись как самостоятельный художественный текст, и был опыт выведения текста из дневника вообще¹¹. Но об этом надо писать отдельно¹².

¹¹ Аарон Штейнберг. «Грехопадение». Из дневника 1968 г. Публикация, подготовка текста и комментарии Нелли Портновой. Новый мир. 2007. № 3, С. 155—165; Аарон Штейнберг. «Дорогая моя Сонюрочка...». Письма к покойной жене. Публикация, подготовка текста и комментарии Нелли Портновой. Новый мир. 2007. № 1. С. 127—141.

¹² По архивным материалам готовится к печати книга философской прозы А. Штейнберга.

Штейнберг явно шел по пути становления экзистенциальной прозы.

Посредством рефлексии Штейнберг не только открыл и поддерживал значимость «философии существования», но предъявлял себя в качестве доказательства ее правильности. Например, доказывал идею единства бытия и сознания своей органичностью культуре еврейской, русской и мировой. «Вижу, что я уже 30 и более лет тому назад мыслил, чувствовал и, главное, жил в однородной стихии...и, не отставая от еврейских корней, я — осязательное подтверждение того, что мы — жизненный элемент объединяющегося рода человеческого».

Можно сказать, что многолетняя работа над собой в качестве адепта «чистой философии», позволила Аарону Штейнбергу остаться свободным человеком и ответить на призыв «Вех», сохранив в себе до конца «сферу автономного существования личности как духовной единицы»¹³. Дифирамбом такой свободы сознания как вечного диалога заканчивается «Литературный архипелаг»: «Значит, — думал я, сидя в самолете, уносившем меня из Швейцарии, — и это возможно. Шестов — явление безвременья и продукт разложения, но он же и предвестник, и предтеча того, что грядет за веком всечеловеческого кризиса. И идущие на смену нам поколения это чувствуют. Если бы вся его писательская деятельность имела лишь одно это последствие — исцеление одной единственной души, ставшей невинной жертвой всемирного кризиса, — как не признать, что этим одним погашены все недочеты в произведениях и все житейские долги Льва Исааковича. Так, как он пришел с того света на помощь своему правнуку из Бельгии, так мог прийти на помощь лишь сын человеческий, облеченный призванием во Имя! Пока я жив, я продолжаю свои беседы с Львом Исааковичем». Эта свободная, строящаяся на вечном диалоге мысль и составляет главный стержень авторского образа и производит, не менее чем портреты интеллигентов Серебряного века, неизгладимое впечатление на читателя.

¹³ Мераб Мамардашвили. Как я понимаю философию. М. 1992. С. 132.